

appropriate system of university teachers' training and retraining is required. Modern teacher must have a set of specific competences including such groups as functional, research and pedagogical, personal, and ethical. Meanwhile, the lecturer is in a situation where, on the one hand, the administration increases the load, and tightens the requirements, and on the other hand, the students exert pressure on teachers. In this situation universities should create the appropriate conditions to motivate teachers to improve their qualification, to update continuously learning methods.

Keywords: modernization of education, training of university teachers, competences of a modern teacher, lecturer's skills raising system

References

1. [Round table discussion: Postgraduate programs and doctoral studies in modern conditions and a destiny of skills raising system] (2014). *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. Part 1. No 6, pp. 130-149. (In Russ.)
2. [Round table discussion: Postgraduate programs and doctoral studies in modern conditions and a destiny of skills raising system] (2014). *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. Part 2. No 7, pp. 71-85. (In Russ.)
3. Medvedev V.E., Tatur Yu.G. (2007) [Preparation of a higher school teacher: competence approach]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No 11, pp. 46-56. (In Russ.)
4. Khodenkova O.P. (2011) [Model of key competences of the higher school staff, formed under the influence of post-graduate education]. *Vestnik Astrakbanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seria: Ekonomika* [Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economics] No. 2, pp. 169-173. (In Russ.)
5. Moskvina N.B. (2014) [Higher school teacher's professional activity: problem of the destruction of meaning]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No 12, pp. 36-42 (In Russ.)

The paper was submitted 12.11.15.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВЫСШАЯ ФОРМА ФИЛОСОФСКОГО ТВОРЧЕСТВА? (ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

ТХАГАПСОВЕВ Хажисмель Гисович – д-р филос. н., профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет (г. Нальчик). E-mail: gapsara@rambler.ru

Споры по поводу возможности оценивать эффективность научной деятельности на основе критериев РИНЦ не утихают. Об этом свидетельствуют, к примеру, материалы круглого стола «Перспективы российской науки как социального и культурного института» (Вопросы философии. 2014. № 8). Особенно активно подвергается сомнению приемлемость количества цитирований некоего сочинения как показатель его качества, а значит – и профессиональности автора. Ведь поводом к цитированию могут быть и из ряда вон выходящие недостатки работы, ее эпатажный характер. В

указ критериям РИНЦ ставится и то обстоятельство, что они почти «не замечают», не фиксируют и не учитывают монографии, что из учета РИНЦ выпадают работы, опубликованные ранее 2003–2004 гг.

В свете этого сегодня весьма популярна идея «гамбургского счета»: мол, мы сами и без РИНЦа знаем, кто есть кто в нашем цеху. Воплощением этой идеи, похоже, стало появление инструментов прямого и неопосредованного воздействия на показатели, зафиксированные в РИНЦ. О чем идет речь? РИНЦ теперь практикует заключение договоров с учреждениями на оказание

платных услуг, в том числе – на возможность «вручную вводить» в базы данных публикации своих сотрудников (хоть вековой давности), а также ссылки на публикации. Итог подобных услуг уже очевиден: в досье иного автора теперь можно встретить публикации от 50 годов минувшего века и ссылки на них из неизвестных журналов.

На таком фоне «ручной коррекции» показателей РИНЦ в очередной раз обновлен список «топ 100 самых цитируемых российских философов» (см.: <http://dissertation-info.ru/>). И что же мы видим? С формальных позиций, т.е. в оптике цифровых показателей РИНЦ (число цитирований, индекс Хирша), положение дел в нашем цеху пошло в рост. Так, если в предшествующие списки «топ 100» по философии можно было попасть, имея в багаже около 200 цитирований, теперь для этого потребуется 400–500. Если же лидеры прежних списков имели порядка 2–3 тыс. цитирований, теперь – около 10 тыс. Но что реально стоит за этим, если обратиться к содержательным измерениям философского творчества? Увы, много неоднозначного.

Начнем с монографий. Недостаточно полный учет монографий особенно остро ставился в укор РИНЦ. Многие коллеги были склонны именно этим объяснять «в целом невысокие» значения показателей публикационной активности российских философов. Но теперь (и при «ручном вводе в базу РИНЦ») стало очевидно, что активно цитируемых монографий у нас не так много. Вот факты. Порядка «тысячи упоминаний» пока снискала лишь книга В.С. Степина «Теоретическое знание». Монографий, процитированных «сотни раз» (300–500) удалось отыскать всего лишь четыре (Лекторский В.А. «Эпистемология классическая и неклассическая»; Федотова В.Г. «Хорошее общество»; Гайденко П.П. «Прорыв к трансцендентному: новая онтология 20 века»; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. «Законы эволюции и самоорганизации сложных систем»). Да и монографий, удостоившихся хотя бы 100–200 упомина-

ний, не более 10 (Гусейнова А.А., Касавина И.Т., Мотрошиловой Н.М., Автономовой Н.С., Аршинова В.И.). К тому же индекс Хирша у 70% наших коллег, вошедших ныне в топ-лист философии, существенно ниже 10 (у большинства – 5, 4, 3, 2 и даже 1!). Возникает вопрос: за счет чего тогда так резко выросли «валовые» показатели цитирования на ниве российской философии?

Вот здесь мы подходим к главному – к тому, что, на мой взгляд, требует внимания и консолидированной позиции философского цеха. Речь идет о двух, скажем так, «смущающих» источниках обилия цитирований, чего прежде не было в нашей практике.

Во-первых, это переводная западноевропейская философская литература (от Уайтхеда до Деррида) и хрестоматийные подборки текстов (от «Платона до наших дней»), что у нас было трендом и модой с конца 1980-х вплоть до 2000 гг. Популярность этих текстов, ставших в свое время «глотком свежего воздуха», вполне понятна. Смущает только одно обстоятельство: после появления права «ручного ввода» сведений в базу РИНЦ у классиков европейской философии вдруг появились российские соавторы (и в большом количестве!). Не хотел бы затронуть чьи-либо чувства и заранее приношу извинения, но все же позволю себе привести пример. Известен философско-социологический бестселлер Э. Тоффлера «Третья волна». Волна, о коей повествует Тоффлер, увы, прокатилась почти мимо России, ее развития. Но, зато согласно новейшим данным РИНЦ, теперь, наряду с Тоффлером, в качестве авторов знаменитой работы числится еще 13 россиян, в том числе 12 переводчиков текста. Дальше – больше: поскольку сочинение Тоффлера собрало в научном пространстве тысячи ссылок, эта заслуга прямоком распространилась на всех 13 соавторов. В итоге заглавные строки только что обновленного топ-листа (12 ноября 2014 г.) «сто наиболее часто цитируемых российских философов» занимают не только инициаторы и редакторы различных перево-

дов, но и филологи-переводчики (!). И ссылки на западного маститого философа (его произведения) автоматически зачисляются на их счет. Правомерно ли это?

Впрочем, мои попытки найти в поисковых системах труды авторских союзов Тоффлера, Лумана и других звезд европейской философии, сформированных по схеме: один известный европейский философ + X замечательных россиян, не увенчались успехом. В поисковых системах Интернета такие «авторские пулы» неизвестны, не идентифицируются. Они существуют лишь как продукт «ручного ввода сведений» в РИНЦ.

Есть еще один источник «пролиферации цитирований». Речь идет о том, как подается и как делится авторство в заметных коллективных трудах, созданных и опубликованных в нашей стране в последние годы. В этом плане характерна ситуация с изданием «Новой философской энциклопедии». Все четыре тома вместе взятые (т.е. более 3 тысяч статей, вошедших в издание) за 14 лет с момента издания собрали около 1 тысячи ссылок – 0,3 цитирований на статью. Но поскольку в базах РИНЦ после «ручных введений» данное издание числится как коллективная монография без разграничения авторства по статьям, десятки людей, хоть как-то причастных к «НФЭ», автоматически получают «бонус» в 1000 цитирований. Не странно ли? Ведь получается так: некто (возможно, будучи еще аспирантом, молодым м.н.с.) написал в «НФЭ» одну небольшую статью, которая, возможно, ни разу никем и нигде не упоминалась, однако теперь он получает тысячу цитирований и становится в ряд лидеров российской философии. Как это соотносится с принципами объективности выявления лидерства в нашем цеху и его справедливого ранжирования?

Коль скоро речь зашла об объективности, надо бы учитывать, что философия ныне также дифференцирована, как и прочие науки (физика, биология). Значит, наша деятельность (как и публикации) неизбежно носит «секторальный», «сфер-

ный» и «региональный» характер. В этом смысле те 300–500 цитирований, которыми отмечены наиболее популярные отечественные монографии, заодно являются и масштабными мерами секторальной и сферной структуры современной российской философии. Более того, отсюда напрашивается вывод: в условиях сегодняшней России багаж цитирований около 500 и выше (разумеется, без учета «искусственных продуктов ручного ввода» в РИНЦ, о которых уже сказано) – это признак высокой профессиональной значимости коллеги в некоем секторе нашей философии. Именно среди обладателей 300–500 реальных цитирований («без навесов») и пребывают едва ли не все значимые фигуры современной российской философии (в том числе руководители научных журналов, известных кафедр), которые, увы, не попали в новый топ-список, хотя и составляли костяк предыдущих списков. Да, у нас есть 3–5 бесспорных лидеров цеха, у которых еще до изобретения технологий «ручного ввода» в РИНЦ как естественный итог профессиональной жизни сложились багажи в «тысячи цитирований». Они хорошо известны.

Остается только задаться вопросом: будем ли мы по сути и правде уточнять картину лидерства в российской философии, так лихо затронутой духом «ручного ввода» в РИНЦ, или предпочтем «толерантно оставить» все как есть? Речь, разумеется, идет не о «профсобрании» цеха, которое все «обсудит и поправит». Все куда проще: если регулярная публикация на официальных сайтах рейтингов профессионального лидерства стала частью нашей жизни, не обязывает ли это нас к тому, чтобы оказывать этой акции экспертно-аналитическую поддержку – дабы уберечься хотя бы от весьма неясных подходов к делу и грубых ошибок? Ведь речь идет о современных формах саморегулирования и самоуправления нашего сообщества.

Статья поступила в редакцию 08.12.2015.